

— Раз господин всё время ездит верхом с князем, мне делать нечего, вот я и пошёл с другими поболтать, — сказал А-Нин.

Все очень любили А-Нина — смышлёный, работающий, да ещё и лицом белый да чистый, — потому и рассказывали ему многое о походах да сражениях. Лю Сюаньань наказал:

— Всё запоминай, не забудь, а когда будет время, перескажешь мне то, что касается князя.

А-Нин спросил:

— Только о князе? Но истории про остальных тоже интересные.

Второй господин Лю наотрез отказался:

— Про остальных слушать не хочу.

А-Нин слегка опешил, но сдался:

— Н-ну, ладно.

Он потушил свечу, забрался в свой бочонок для сна и быстро уснул. Предстоящий въезд в город Саньшуй ничуть не тревожил его, и он проспал сладко и безмятежно до самого утра. Лишь когда снаружи палатки послышался шорох, он открыл глаза, осторожно приподнял край бочонка, намереваясь приготовить умывальные принадлежности, а затем разбудить господина.

Но едва он наполовину выбрался наружу, как сзади раздался унылый голос:

— Я прошлой ночью не спал.

А-Нин, ничуть не ожидавший такого, чуть не подпрыгнул от испуга:

— Господин!

Лю Сюаньань, закутанный в одеяло, только носом крякнул в ответ.

Сердце А-Нина бешено колотилось, он ещё не пришёл в себя, но это не помешало ему изумиться:

— Бессонница?

Лю Сюаньань медленно кивнул.

А-Нин вытаращил глаза и недоверчиво переспросил. Неужели господин, который мог заснуть даже на краю пруда, страдал от бессонницы? Охваченный беспокойством, он схватил Лю Сюаньаня за руку и долго щупал пульс, но ничего странного не обнаружил. Тогда он вывел его из палатки на свет и принялся осматривать со всех сторон. Гао Линь, заметив это издали, с недоумением спросил своего князя:

— Что они там делают?

Лян Шу бросил на него искоса взгляд:

— А сам не догадаешься спросить?

— Тогда я пойду спрошу, — сказал Гао Линь и сделал шаг, но Лян Шу остановил его:

— Вернись.

Гао Линь, скрестив руки, цыкнул: «Ну я же знал. Теперь придётся держаться подальше».

Лян Шу не стал тратить время на пустые разговоры:

— Позови Ван Фаня, Ван Гуаня и Чжоу И.

— Их троих? — Гао Линь насторожился. — Что-то случилось?

— Не то чтобы большое, но и не маленькое, — ответил Лян Шу, глядя в сторону Лю Сюаньяня.

— Он собирается в Саньшуй.

Гао Линь на мгновение замер, потом спохватился и с изумлением воскликнул:

— Князь согласился? Да это же беспокойное место! Хотя братья Ван и Чжоу И — бойцы высшего класса, но в городе — десятки тысяч повстанцев и беженцев, они ненавидят армию Янь лютой ненавистью. Малейшая оплошность... Может, лучше отменить?

— Тогда иди уговаривай сам, — сказал Лян Шу. — Уговоришь — запишу тебе главную заслугу, получишь сколько угодно усадеб и земель.

Гао Линь: «...»

Он хорошо помнил, как в прошлый раз, придя к А-Нину, услышал от того пламенную речь: «Разве ученики Поместья Белого Журавля отступают перед трудностями?» — от которой сам почувствовал себя в грязи. Это чувство стыда до сих пор не покидало его, преследуя даже во сне. Поэтому он тут же сменил тему:

— Зачем в Саньшуй? Переманивать на свою сторону?

Лян Шу кивнул.

— Способ неплохой, — сказал Гао Линь. — Похоже, второй господин Лю и вправду умеет побеждать без боя. Этот Хуан жесток и самодоволен, да и умом не блещет, наверное, его легко обработать. Может, и воевать не придётся — сами сдадутся.

Лян Шу спросил:

— Что, теперь уже не считаешь опасным и не хочешь отговаривать?

Гао Линь ответил:

— Опасность-то есть, но раз уж даже князь не смог его отговорить...

Если я пойду и не уговорю — зря время потрачу.

Если пойду и уговорю — вот это будет дело!

Авторское примечание:

Заместитель генерала Гао: «Хочу сохранить чистую репутацию».

За стенами Саньшюя по-прежнему толпились беженцы, выстроившись в извилистую очередь. Главные ворота были наглухо закрыты, открыта лишь боковая калитка, где несколько повстанцев неспешно опрашивали и записывали прибывших. Прошёл уже час, а очередь почти не сдвинулась.

Один просто одетый юноша сбегал вперёд, посмотрел и вернулся:

— Братец, они копошатся еле-еле. Дождёмся своей очереди часа через два, не меньше. Выпей пока воды.

— А о чём они спрашивают, почему так медленно? — подхватили другие в очереди. Тут же поднялся гул, и вскоре повстанческий начальник подошёл и рявкнул:

— Ведите себя тихо! Думаете, мы не хотим побыстрее? Если не проверять как следует, шпионы Лян Юя проникнут в город — кто тогда за безопасность ответит? Новый император милостив, жалеет бедный народ, скитающийся без крова, потому и велел открыть город. Всего два дня в очереди постояли — и уже недовольны! А когда псы-чиновники Янь один город за другим на замок закрывали, почему не бунтовали?

Толпа притихла, никто больше не смел пикнуть. Лишь один молодой человек сквозь зубы пробурчал:

— Эти собаки полные амбары зерна припрятали, а зёрнышка не пожалеют, тьфу!

— Верно! Потому мы и пришли к генералу Хуану!

— Какому генералу? К императору!

Народ возбудился, все кричали и размахивали руками. На этот раз повстанческий начальник не стал их останавливать, а даже сам покричал вместе с ними. Кричали все вокруг, и юноша, которым был А-Нин, тоже поднял руку, делая вид, что кричит. Он вместе с Лю Сюаньанем и тремя охранниками переоделся и несколько дней прожил в шумном лагере беженцев, чтобы получить пропуск в город.

Лю Сюаньань был закутан в грязный серый плащ, волосы растрёпаны, сгорбился и присел на землю, засунув руки в рукава, изображая из себя доходягу, который вот-вот помрёт с голоду и говорить не в силах. Лишь когда крики против семьи Лян поутихли, он с трудом поднялся и вытянул шею, чтобы посмотреть вперёд.

Не будь они свидетелями того, как сегодня утром помогали второму господину Лю умыться и перевоплотиться, трое охранников могли бы подумать, что следуют не за тем человеком. Этот робкий деревенский парень играл свою роль до неприличия правдоподобно. Пока они стояли в очереди, впереди снова поднялся шум — кто-то кричал, что нужен лекарь. А-Нин тут же поднял руку:

— Я! Мы с братом — лекари!

Народ расступился, пропуская их вперёд, говоря, что какая-то старушка без чувств лежит. Лю Сюаньань побежал вперёд, подошли и повстанцы. Без сознания была пожилая женщина, глаза закрыты, тело пылало жаром и билось в судорогах. Лю Сюаньань достал серебряную иглу и на время остановил приступ, а затем сказал:

— Нужно срочно найти тихое, проветриваемое место. Какие лекарства есть в городе?

— Вы, вставайте вперёд, — повстанческий начальник, хоть и выглядел свирепо, особых препон чинить не стал, велел им пройти в начало очереди, наскоро задал несколько вопросов и пропустил в город, только наказал после лечения прийти и записаться.

Едва ступив в город, А-Нин ахнул. Один из охранников, Чжоу И, увидев открывшуюся картину, сказал:

— Думал, в городе хорошо, а гляди-ка — от лагеря для беженцев не лучше.

По обеим сторонам улицы, под навесами, да и посреди дороги — везде лежали люди. Лю Сюаньань заметил:

— Всё же разница есть. У них есть еда.

Несколько ребятишек, сжимая в руках лепёшки, жадно их уплетали. Взрослые вокруг смотрели с завистью, но не отбирали — и то уже куда лучше, чем за стенами.

Старушку отнесли в пустующий храм, Лю Сюаньань продолжил лечение иглоукалыванием. Повстанцы распорядились, чтобы они все здесь и остались, вскоре принесли мешок зерна и несколько потрёпанных одеял. К полудню в храм начали подселять новых беженцев, а к вечеру он был уже забит битком, не пройти.

Многие вышли на улицу подышать, Лю Сюаньань тоже прогулялся неподалёку. А-Нин сказал:

— В городе слишком беспорядочно. Людей — тьма, всё как в старом, пожелтевшем и потрёпанном бухгалтерском журнале: сплошные исправления, перечёркивания, пахнет затхлостью. Кто откроет — голова кругом пойдёт.

— Беженцы за стенами всё прибывают, людей здесь будет только больше, беспорядок — только сильнее, — сказал Лю Сюаньань. — Хорошо ещё, что погода похолодала. Будь сейчас летний зной, с этой сыростью, грязью да полчищами мошек и крыс — не миновать бы эпидемии.

<http://bllate.org/book/16268/1464397>